

Глава первая

ПОСЛЕ

Кровать.

Подоконник.

Выщербленный письменный стол с наклейками в виде ромашек на ящиках.

Мне сказали, что это все теперь принадлежит мне.

Женщина, одетая во все бежевое и без капли косметики на лице, выходит из комнаты и показывает путь дальше по коридору, стены которого жмутся так близко друг к другу, что создается ощущение: еще немного, и раздавят. Мочевой пузырь вот-вот взорвется, и я не могу вспомнить, когда в последний раз посещала туалет. Туфли провожатой скрипят по полу, юбка шуршит. В ушах звенит от этого шума.

Женщина открывает дверь. Ослепленная белыми стенами и полами, я моргаю, пока глаза не привыкают. Слабо пахнет краской для волос.

— В шкафчике есть чистые полотенца, а в душе — мыло. Бери все, что понравится. Теперь это твоя ванная комната. Здесь ты в безопасности.

Собеседница выжидательно смотрит на меня.

Наконец дверь закрывается, и щелчок эхом разносится по помещению. Штаны намокают прежде, чем я успеваю добраться до туалета.

Я вызывающе выпячиваю подбородок. Кто бы за мной ни наблюдал — пусть видит.

Родители говорили мне о подобных вещах.

«Мир — опасное место, — предупреждала матушка. — Доверять можно только мне. Мне и отцу. Никогда не забывай об этом».

Ледяная струя хлещет из крана, капли барабанят по дну ванны. Я кручу вентиль влево и вправо, но теплой воды нет. Черты лица, которые отражаются на металлической поверхности, искажены и мало напоминают человеческие.

Они специально все подстроили в надежде, что холод меня сломает. Думают, я слабая.

Пока я снимаю брюки, они липнут к ногам. Расстегиваю мамино ожерелье с зеленым камнем и кладу на полку, но тут амазонит ловит блик света, и я надеваю украшение обратно, прислушиваясь к звукам за дверью.

Глядя в зеркало, я едва узнаю девушку в нем. Ключицы выпирают так сильно, что отбрасывают тени. Грудь стала меньше, живот впал. Волосы выпадают, стоит потянуть.

Они сказали, что здесь я в безопасности. Заверили, что теперь это моя семья.

Но я не знаю этих людей, и это не мой дом.

Из-за спины доносится разговор, искаженный, как запись, которую пустили задом наперед. Когда я поворачиваюсь к двери, он обрывается.

«Мир — опасное место».

Я вызываю в памяти мамин голос, и это меня успокаивает. Мы снова найдем друг друга, как она и обещала.

Ступню обжигает вода, такая ледяная, что кажется горячей.

Дочь лжесца

Плитка на полу составлена из маленьких шестиугольников, как гладких, так и потрескавшихся. Бутылочки выстроились в ряд вдоль края ванны, обещая, что волосы станут шелковистыми, а кожа мягкой. Модное мыло матери пахло лавандой и лимоном.

Я растираюсь полотенцем снова и снова, пока кожа не розовеет.

Кроме меня, в помещении больше нет ничего цветного.

Глава вторая

ДО

На кухне невозможно дышать из-за едкого запаха осветлителя для волос.

Прижимая палец к губам, я улыбаюсь сидящей на табурете рядом с мойкой Беверли Джин. Тетушки уже накинули полотенце ей на плечи, закрепив спереди свободные концы ткани бельевой прищепкой. Пока тетушка Барб расчесывает волосы девочки, тетушка Джоан взбалтывает бутылочку с окислителем для обесцвечивания.

Глаза Беверли Джин бегают туда-сюда, точно маятник, пока она наблюдает за флаконом.

— А можно мне подержать ее за руку? — решаюсь спросить я. Будучи старшей из дочерей, я обязана помогать заботиться о младших братьях и сестрах. Наши опекуны ожидают, что я восполню их собственную неспособность проявить материнское участие.

Тетушка Джоан со стуком ставит бутылочку на стол и вздыхает. Длинные, тронутые сединой воло-

сы собраны в тугой пучок, натягивая тонкую, словно бумага, кожу на лице.

— Делай что хочешь, — позволяют мне. — Лишь бы она молчала. Тебе и самой известно, что ваш отец не выносит, когда вы, бестолковые дети, заходитесь криком.

Тут же спешу к Беверли Джин и сжимаю ее ладошку.

— Ты и не заметишь, как все закончится, — шепчу я. — Просто закрой глаза, держи меня за руку, и все будет хорошо.

Сестренка выполняет мой совет, и тетушка Джоан выдавливает краску на макушку девочки. Почти сразу кожа головы у нее краснеет. Я просила использовать более щадящий осветлитель, но в ответ опекуни говорят, что сумели отыскать только такой.

Беверли Джин начинает всхлипывать. Я еще крепче сжимаю ее ладошку и начинаю мурлыкать под нос «Тише, малышка» — колыбельную, которую пела, когда сестра была совсем маленькой.

Как только тетушка Джоан заканчивает наносить краску, тетушка Барб натягивает шапочку для душа на покрасневшую голову Беверли Джин и устанавливает таймер. Старшая из опекуни одета в платье из грубой хлопчатобумажной ткани, на ногах видны компрессионные гольфы. Каждый день один и тот же наряд.

— Держать пятнадцать минут, — заявляет женщина. — И ни секундой меньше.

Обе тетушки удаляются в коридор, а Беверли Джин распахивает глаза.

— Как только смоем краску, я приложу кубики льда туда, где жжет, хорошо? — обещаю я. — Это всегда помогает.

Стоит таймеру звякнуть, я тут же опускаю пальцы в раковину и роняю пару капель на руку сестры.

— Ну как? Не слишком горячая? — Час назад я нагрела на дровяной плите воду и надеюсь, она не успела сильно остыть, стоя в мойке. Водопровод не работает, но можно использовать канализацию для стока.

— Нет, в самый раз. Спасибо, Пайп.

Когда Беверли Джин была маленькой, то не могла выговорить мое полное имя. И до сих пор она называет меня только так.

Девочка откидывается назад, чтобы я сняла шапочку и смыла краску с волос. Ранее темные корни стали ярко-золотыми, словно перья щеглов, что вечно клюют мамины подсолнухи. Я втираю закрепляющий состав в локоны, и вскоре сестра снова превращается в идеальную блондинку. В точности как матушка.

Высушив пряди полотенцем, я беру кубик льда и начинаю осторожно водить им по обожженной осветлителем коже головы Беверли Джин.

— Ты заслужила мороженое, — провозглашаю я. — С каким вкусом хочешь?

— С виноградным!

Я извлекаю угощение из формочки.

— Отец с матушкой приедут через пару часов, — обращаюсь я к Беверли Джин. — Они очень обрадуются тому, что ты снова выглядишь наилучшим образом.

Девочка тут же морщит нос.

— А почему тебе и Генри не нужно красить волосы? Так нечестно.

Я невольно дотрагиваюсь до своей шевелюры, собранной в хвост.

— Потому что мы и так блондины. Матушка всего лишь хочет, чтобы мы казались одной семьей, и не желает, чтобы кто-то чувствовал себя лишним, или нелюбимым, или отличающимся от остальных.

— А как же Каспиан и Томас?

— Отец приютил их, но они не являются нашими братьями. Поэтому им не обязательно становиться блондинами. Я понятно объясняю?

— Думаю, да. — Беверли Джин откусывает мороженое.

Мягко целую ее в щеку.

— Вот и славно. Поскорее доедай. Я еще должна помочь с обесцвечиванием волос Сэмюелю.

* * *

Только когда мы заканчиваем с окрашиванием, я выхожу из дома, чтобы отыскать Каспиана.

Волны озера набегают на берег, вдоль кромки воды выглядывают водоросли. Младшие из детей пытаются поймать ведром лягушку. Их смех тут же смывает резкий запах осветлителя для волос, который забил ноздри, и я улыбаюсь в ответ.

Над верхушками деревьев возвышается старый аттракцион. На нашей территории находится парк развлечений, заброшенный сорок, если не пятьдесят лет назад. Отец демонтировал большую часть горок и трамплинов, хотя несколько все-таки осталось. Он утверждает, что это место вдали от городов идеально подходит для его детей.

Мы живем в старом двухэтажном доме, который раньше принадлежал смотрителю парка. В здании с деревянными полами много окон. Крыша над спальней мальчиков нуждается в ремонте, так что на дан-

ный момент накрыта огромным куском брезента. Отец предпочитает держать нас «вне системы», поэтому в доме отсутствуют электричество и водопровод, зато имеется насос, генераторы и свечи. А большего и не требуется.

А вот тетюшек нигде не видно. Должно быть, отдыхают перед обедом. Они постоянно твердят, что их утомляет присмотр за такими неугомонными сорванцами, как мы.

Я останавливаюсь перед старым дубом. К стволу прибита табличка из древесины пихты с надписью, которую вырезал отец.

Коммуна — это истина.

Коммуна — это надежность.

Лишь в Коммуне можно обрести безопасность.

Это наше кредо, все те ценности, в которые верят и за которые сражаются в Коммуне. Каждый раз, когда я расстраиваюсь или злюсь, достаточно прочесть надпись, чтобы вновь ощутить надежду и легкость.

Я дотрагиваюсь до таблички, и по пальцам пробегает искра магии.

Кас обнаруживается среди рядов кукурузы: выпалывает сорняки мотыгой. Огород у нас немаленький, минимум двадцать футов¹ в длину, и кукуруза посажена в самом дальнем конце. Мы выращиваем множество различных полевых культур: артишоки, салат-латук, помидоры, цветную капусту. Мне больше всего нравятся корнеплодные овощи наподобие моркови, свеклы и редиса, которые прячутся в земле до тех пор, пока не настает время урожая.

¹ 20 футов — 6,1 м.

Швы белой футболки Каса впиваются в мышцы широких плеч, напрягающихся при работе. Я выхватываю у него из рук мотыгу.

— Эй, — возмущается парень, пытаюсь отобрать инструмент. — Мне вообще-то нужна эта штука.

— На сегодня ты уже достаточно потрудился, — отпрыгиваю я, держа рукоятку трофея вне зоны досягаемости приятеля. — Мне требуется твоя помощь, чтобы засечь время.

Отец поместил буй на расстоянии ста футов¹ от берега, и я практикуюсь в плавании туда и обратно, чтобы быть в наилучшей форме, когда разразится война. На этой неделе мне удалось сделать дополнительные отжимания, может, теперь получится и проплыть хоть на секунду быстрее?

Мы встречаемся взглядами с Касом. Его глаза голубые, как море, в честь которого его назвали. Я никогда не видела настоящий океан. Только тот, что изображен в книгах. Но даже фотографий хватило, чтобы в душе поселилась мечта совершить заплыв в соленых водах. Ресницы приятеля настолько черные и густые, что кажется: он пользуется тушью. Из всех нас лишь у Каспиана волосы цвета воронова крыла, которые, по его словам, он унаследовал от отца. Хотя у Томаса кудри каштановые, несмотря на кровное родство братьев.

— Мне кажется, к этому моменту твое мастерство и так уже близко к идеалу.

— Ну пожалуйста, — упрашиваю я. — Никто не засекал мое время больше двух недель. Уверена, что смогу улучшить последнее достижение по крайней мере на секунду. Хочу продемонстрировать, чего до-

¹ 100 футов — 30,48 м.

билась, когда приедет отец. Доказать, что готова к посвящению.

— Ты же знаешь, что Кертис будет гордиться тобой несмотря ни на что, Пайпер. Ты его любимица.

— Неправда!

— Да ладно тебе, — слегка подталкивает меня плечом Кас. — Когда мы только появились здесь, ты так боялась, что я займу твоё место в его сердце, что наплела, будто клубнику в саду можно есть столько, сколько душе угодно. И конечно, мне за это здорово влетело.

Несколько лет назад отец принял в семью Каспиана и Томаса, когда вынужденно изгнал их родителей из Коммуны за употребление наркотиков на территории поселения. Но, конечно, он разрешил мальчикам остаться: слишком жестоко было бы отправить их во Внешний мир. Последние несколько месяцев Томас провел с нашими отцом и матерью в поселении. С тех самых пор, как прошел посвящение в члены Коммуны. Жду не дождусь услышать его рассказ о новой жизни там.

— Я же не заставляла тебя есть клубнику, и ты прекрасно об этом знаешь! Если собираешься и дальше разбрасываться безумными обвинениями, хотя бы придумай что-нибудь интересное.

В ответ на мою гневную тираду Кас лишь легонько толкает меня плечом. Я не остаюсь в долгу, стараюсь не обращать внимания на трепет в груди.

Тогда приятель нацеливается на мое уязвимое место: нежную кожу подмышек. Уворачиваясь от щекотки, я взвизгиваю и бегу в сторону озера, на ходу сбрасывая сандалии. Младшие из детей заливаются радостным смехом и пускаются с нами наперегонки. Вскоре мы все оказываемся в воде, отчаянно

брызгаясь друг в друга. Солнце приятно пригревает плечи, а прохладные волны бальзамом смягчают жжение от осветлителя, жжение при мысли об отсутствующих мамы и папы.

— Немедленно прочь из этого грязного озера!

На берегу видна фигура гневно подбоченившейся тетушки Джоан. Мы тут же выстраиваемся колонной от младшего к старшему и маршируем в сторону дома.

Мы хорошо умеем следовать приказам.

— Радуйтесь, что я вас не выпорола, — ворчит надзирательница. — Быстро отправляйтесь умываться и одеваться.

Стоит ей отвернуться, как я протягиваю руку и хлопаю по плечу Каса. Он ловит мою ладонь и удерживает некоторое время, прежде чем отпустить.

Глава третья

ДО

Когда родители приезжали погостить в прошлый раз, Милли еще даже не начала ходить.

Насколько проще с ней было тогда.

Теперь же она вырывается из моей хватки и голышом ковыляет по коридору, сжимая любимую игрушку — набитого тряпками жирафа с отсутствующим ухом.

— Милли, а ну-ка вернись! — я гонюсь за младшей сестренкой с недавно выстиранным подгузником в руках и настигаю только в гостиной, возле большого окна, выходящего на озеро. Малыш-

ка всегда забирается туда, высматривая родителей, которые должны приехать с минуты на минуту. — Милли, — вкрадчиво интересуюсь я, — ты же хочешь хорошо выглядеть, чтобы порадовать мамочку и папочку?

— Где мама? — Сестра засовывает большой палец правой руки в рот.

— Они с отцом уже в пути. К тому моменту, как ты оденешься, они уже будут здесь.

Я веду Милли обратно в спальню девочек. Бевверли Джин уже облачилась в безукоризненно чистое платье винного цвета с белым поясом и сидит на кровати, примеряя на бумажную куклу фиолетовый бальный наряд.

Карла сутулится над письменным столом, рисуя в альбоме. Она успела переодеться, но осталась неподпоясанной. Сестра всего на пару лет младше меня, но недавно решила, что платья воплощают вселенское зло.

— Карла, куда ты дела пояс? — Я пытаюсь заглянуть ей через плечо, но маленькая злока тут же загораживает рисунок руками.

— Без понятия.

— Так поищи в кладовке. Ты же не хочешь, чтобы тетюшки застали тебя в таком виде?

Сестра презрительно хмыкает, закрывает альбом и распахивает створки кладовки. Отшвыривает в сторону корзину с грязной одеждой.

— Здесь нет.

Милли ложится, я приподнимаю ее пятую точку и подсовываю подгузник. Застегнув его на малышке безопасными булавками, продеваю в колготки одну ее ножку, затем другую. На мясистых ляжках младшей сестренки ткань опасно натягивается, и я пере-